* * *

Ты не знаешь, как лучше, как хуже,
Волю Бога познать не дано,
Светит солнце, зажатое в луже,
За тебя уже все решено,

Заполняешь мирские пустоты,
Изнываешь от бросовых бед,
С кем-то сводишь вчерашние счеты,
Причиняя надуманный вред,

Занимаешь свободную нишу,
Где уже до тебя кто-то жил,
Словно поступь я вижу и слышу —
Скрип ступеней, изломы перил.

Эта лестница в ясную бездну...
Ты решил, так иди же, вперед...
Даже если во тьме я исчезну,
Он услышит, простит и спасет.

* * *

Сергею Арутюнову

Столетье платежей и ипотек —
И кажется, что будет только хуже —
Но так же на асфальте мерзнут лужи
И прячется в одежды человек.
Дорога к Богу разве что поуже.

Поуже, да еще не всем видна —
Нет светофоров, постовых, разметки —
Лишь птицы красногрудые на ветке,
Целительница — полная луна
И звезды, заменившие таблетки.

Наш век сырыми войнами рожден,
Контуженный, в потертом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречен.
Его понять вы не пытайтесь даже.

* * *

Константину Алексееву

Гололед или рытвина,
А мы все колесим,
Обращаясь молитвенно
К существам неземным.

Хмуро, скользко и дымно!
И вокруг — ни души.
Звуки звездного гимна
Заглушить не спеши.

Ты несешься, как вьюга,
Слышишь неба сигнал,
Кто с повадками друга,
Вдруг тебя обогнал?

Кто взлетел там, где узко,
Где обрывы дорог?

Возле черного спуска
Только Бог.

* * *

Арсению Замостьянову

Мгновенья кружат в кольцевой атаке,
И жизни наступил полуфинал.
О чем ты думал и чего ты ждал?
Ты состоял с природой в длинном браке,
В нем листопад меняет снеговал,
И греют звезды — вечные гуляки.

Но до весны всего один вершок,
Все разойдутся, но поодиночке.
Зима уйдет в разорванной сорочке,
Весна нажмет на спусковой крючок
И, выпуская на деревьях почки,
Тебе подарит лето между строк.

Вкусив тепла, пророки и зеваки
Поделятся на псов и на щенят,
Осудят рай и устремятся в ад,
Не ведая, что из воздушной раки,
В дождях и вьюгах всепрощенья знаки
Им посылает Тот, Кто был распят.

Отче

Иеромонаху Макарию (Комогорову)

От полевиц, иван-да-марий,
Веснянок и разрыв-травы
На службу шел отец Макарий,
И вслед леса впадали в рвы.

Пылились трудников посадки,
Росли под сводом певчих птах.
И думал молодой монах
О Боровске, Алтае, Вятке...

О том, что ново и не ново
И к ночи жарко день приник,
О животворной власти слова,
О Господине всех владык,

О том, как жизнь иконописна,
Проста, смиренна, пресвята,
О том, что будет ныне, присно,
У всех крестившихся в Христа.

* * *

Ты веришь сугробам? Они мудрецы:
Кого ни возьми, он и зорок и сед,
Учет бесконечных и строгих бесед
Ведут от рождения зданий торцы:
Пред ними стоишь, одинок и раздет.
Ты — вечный ответчик, они же — истцы,
И так до скончания ветреных лет.

И кажется: только тебе невдомек,
Когда был затеян морозный процесс,
Какой у сугробов действительный вес,
Но дворник решительный быстро помог —
И вот пошатнулся и твой интерес.
Быть может, тот дворник — уже полубог,
Сошедший на миг с вдохновенных небес.

Не только твое промерзает нутро —
Иди и смотри на сгущение масс —
Рождает минута межсуточный час,
Сплетение судеб вершится в метро,
И только великий горячий наказ
Приносит на землю с рассветом ядро:
Ведь все это создано Богом для нас.